

ОБРАЗ СТАРИКА В ПОЭЗИИ А. БЛОКА 1900-Х ГГ.

Коптелова Наталья Геннадьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Аннотация. Статья вносит определённый вклад в изучение типологии блоковских персонажей, возникшей как результат «театрализации» лирического субъекта. В ней рассматриваются примеры некоторых лирических монологов, написанных от лица старика. Раскрывается их эстетическая природа, характеризуются поэтика и функции. Доказывается, что лирические монологи стариков, созданные в стихотворениях А. Блока 1900-х гг. («Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...», «Двойник»), образуют особую локальную художественную целостность внутри его поэтической «трилогии». Показывается, что в стихийно сложившемся ансамбле единства образ старика оказывается «лирической маской» Блока, его трагическим двойником и во многом выражает автопсихологические переживания, связанные с идеей «измены» мистическому идеалу Вечной Женственности. В статье подчёркивается, что стихотворения «Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...» образуют интересную парадигму. В этих произведениях образ старика соотносится не только с личностью Блока и Мережковского, но и позволяет воспринимать персонажа как совершенно самостоятельного героя, обладающего неповторимым характером. В работе делается вывод о том, что «театральность» поэтики наиболее ярко и отчётливо проявляется в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», словно ориентированном на устное произнесение и сценическое воплощение.

Ключевые слова: А. Блок, образ старика, лирический герой, лирическая маска, ролевая лирика, intersubjectность, «театральность» поэтики.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Образ старика в поэзии А. Блока 1900-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 109–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116>

Research Article

THE IMAGE OF THE OLD MAN IN ALEXANDER BLOK'S POETRY OF THE 1900S

Natalya G. Koptelova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Abstract. The article makes a certain contribution to the study of the typology of Alexander Blok's characters, which arose as a result of the "theatricalisation" of the lyrical subject. We examine examples of some lyrical monologues written on behalf of the old man. Their aesthetic nature is revealed, poetics and functions are characterised. It is proved that the lyrical monologues of the old men" created in Alexander Blok's poems of the 1900s ("Under old age, forgetting the sacred...", "When I began to grow decrepit and get cold...", "Years have passed, but you are still the same...", "The Double") form a special local artistic integrity within his poetic "trilogy". It is shown that in the spontaneously formed ensemble unity, the image of the old man turns out to be Alexander Blok's "lyrical mask", his tragic double and in many respects expresses autopsychological experiences associated with the idea of "betrayal" of the mystical ideal of Eternal Femininity. The article emphasises that the poems ("Under old age, forgetting the sacred...", "When I began to grow decrepit and get cold...", "Years have passed, but you are still the same..." form an intersubjective paradigm. In these works, the image of the old men correlates not only with the personality of Alexander Blok and Dmitry Merezhkovsky, but also allows us to perceive the character as a completely independent hero with a unique character. The paper concludes that the "theatricality" of poetics is most clearly and clearly manifested in the poem "When I began to grow decrepit and get cold...", as if oriented towards oral pronunciation and stage incarnation.

Keywords: Alexander Blok, image of old man, lyrical hero, lyrical mask, role-playing lyrics, intersubjectivity, "theatricality" of poetics.

For citation: Koptelova N.G. The image of the old man in Alexander Blok's poetry of the 1900s. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 109–116 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-109-116>

Одной из доминант поэтики Блока стала «театральность» его лирики. Она возникла как творческая компенсация стремления поэта к театру как высшему искусству. «Театральность» поэзии Блока проявилась в самых разнообразных формах. Раскрыть её природу и функции даёт возможность метод интермедиального анализа, весьма актуальный и востребованный в филологических исследованиях в последние десятилетия [Седых; Тимашков; Титаренко 2017; Титаренко 2018; Тишунина 1998; Тишунина 2001; Тишунина 2002; Ханзен-Леве]. Он позволяет проследить влияние на литературу «языков» других видов искусства. Термин «интермедиальность» в отечественном литературоведении трактуется многообразно. Под интермедиальностью мы понимаем особый способ организации художественного текста, основанный на взаимодействии кодов разных видов искусств [Тишунина 2001: 153], в данном случае – лирической поэзии и театра.

Как мы уже отмечали в ряде своих предшествующих работ, внедрение театрального кода в лирику Блока во многом определило специфику её субъектно-образной структуры [Коптелова 2019а; Коптелова 2019б; Коптелова 2020]. Для поэзии Блока характерно многоплановое перевоплощение, своеобразная «театрализация» лирического героя, вызывающая к жизни создание монологов многочисленных персонажей. Эту особенность художественного мышления Блока заметили ещё современники. Так, В.Я. Брюсов в своей рецензии на сборник «Нечаянная радость» размышлял, по сути, о характерном для поэтической системы Блока феномене многоликих персонажей: «Его (Блока. – Н. К.) маленькие диалоги и его песни, сложенные от чужого лица, вызывают к жизни вереницы душ, которые уже кажутся нам близкими, знакомыми и дорогими» [Брюсов: 329]. Об этом впоследствии писали и отечественные литературоведы (Н.Д. Волков, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Л.Я. Гинзбург А.Е. Горелов, М.Ф. Пьяных, З.Г. Минц, А.В. Фёдоров, Е.М. Табориская, И.Б. Роднянская, П.П. Громов, Т.М. Родина и др.).

Причём в рамках творчества Блока лирические персонажи, так или иначе, соотносятся с двумя полярными тенденциями: они либо выражают сокровенные автопсихологические переживания, а значит, выполняют функцию «лирической маски» поэта, либо знаменуют вживание в чужое сознание, характерное для феномена ролевой лирики [Хализев: 352]. В контексте поэзии Блока возможно выделение циклических образований разного масштаба, объединённых тем или иным типом сознания, выражаемого лирическим персонажем. Можно говорить, например, о циклах, включающих девические или женские монологи, или об ансамблевом единстве [Тюпа: 52], скреплённом образом «маленького человека». Зада-

ча полной реконструкции типологии блоковских персонажей, возникшей как результат «театрализации» лирического героя, требует серьёзных системных исследований. В рамках данной статьи мы рассмотрим примеры некоторых лирических монологов, написанных от лица старика. Раскроем их эстетическую природу, охарактеризуем поэтику и функции.

Примечательно, что в поэзии Блока 1900-х гг. появляются лирические монологи стариков, образующие особую локальную художественную целостность внутри его «трилогии», в «Предисловии к собранию стихотворений», названной автором «романом в стихах» [Блок 1: 559]. В стихотворении «Под старость лет, забыв святое...» (1902), вошедшем в цикл «Стихи о Прекрасной Даме», создаётся образ старого человека, уставшего от жизни, отказавшегося от мечты своей юности, оцениваемой с высоты прожитых лет как «сон», «тень», «туман»:

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то – там – нас было двое,
Но то во сне – не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чём-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман [Блок 1: 124].

Герой возлагает всё, в его жизни не сбывшееся, на плечи потомков:

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены [Блок 1: 124].

В данном случае образ старика возникает на волне авторефлексии Блока, связанной с выражением сомнений в высоком мистическом идеале Вечной Женственности. Он выполняет функцию «лирической маски» поэта. По точному замечанию З.Г. Минц, образ старика в рассматриваемом поэтическом контексте выступает как «один из самых трагических “двойников” лирического героя» [Минц: 556]. Авторы комментария к этому стихотворению, предложенному в полном собрании сочинений Блока, ссылаясь на его письмо А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г., также подтверждают, что символ старика транслирует самокритику поэта, в художественно условной форме зашифровывая его упрек самому себе за отказ от восторженного юношеского поклонения Небесной Жене [Комментарии: 553].

Как органическое продолжение и диалогическая перекличка со стихотворением «Под старость лет, за-

быв святое...» воспринимается блоковское стихотворение «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» (1903), вошедшее в цикл «Распутья»:

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, суждённый старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду [Блок 1: 155].

Здесь старик также вспоминает свою юношескую мечту, воплощённую в таинственном образе, «прежде милым». Он даже пытается вернуться к поиску прежнего мистического идеала, своей «счастливой звезды».

Но он, как и герой ранее упомянутого стихотворения, в конечном счёте погружается в разочарование и скепсис, саркастически отказываясь от призвания поэта, воспеваящего тайну Вечной Женственности:

Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече –
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт... [Блок 1: 155].

И в том и в другом лирических монологах, написанных Блоком от имени старика, персонажи приходят к неверию в идеал Софии. В первом стихотворении философия Вечной Женственности презрительно названа героем «глупыми сказками» [Блок 1: 124], а во втором – «рассказнями» [Блок 1: 155]. Несомненно, монолог старика, представленный в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», как и предыдущий, создан в ключе «лирической маски». Он также фиксирует «приступы отчаяния и иронии», испытываемые Блоком, как он признался в своей «Автобиографии» [Блок 7: 13], даже в момент апогея высоких мистических переживаний и чаяний, вызванных к жизни стремлением к идеалу Прекрасной Дамы.

Вместе с тем характер старика из стихотворения «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» имеет черты, отличные от персонажа, созданного в стихотворении «Под старость лет, забыв святое...»:

Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душил злость,
И я морщинистой рукою
С усилием подымаю трость...

Кому поверить? С кем мириться?

Врачи, поэты и попы...

Ах, если б мог я научиться

Бессмертной пошлости толпы! [Блок 1: 155].

Показательно, что герой прямо идентифицирует себя с «поэтом», автором «пророческих стихов». Он – человек, испытывающий сильные эмоции: отчаяние, досаду на себя. Вместе с тем этот старик чувствует свою избранность, ощущает своё духовное одиночество и приходит в бешенство от возмущения «бессмертной пошлостью толпы». Его страстный и темпераментный монолог во многом контрастен признаниям персонажа из рассмотренного выше произведения. Блок предельно психологизирует исповедь героя, «театрально» индивидуализирует её, точно и тонко передавая все нюансы его переживаний. Богатый интонационный рисунок, созданный поэтом в монологе этого старика, словно рассчитан на сценическое воплощение. Обилие восклицательных предложений, жёстких риторических вопросов, использование многоточий – все эти средства художественной выразительности создают иллюзию гневного потока речи, высказывания на «повышенных тонах».

Персонажи рассмотренных стихотворений выступают как антиподы своих лирических двойников, выражающих светлое юношеское мирозерцание (например, в стихотворениях «Я, отрок, зажигаю свечи...» [Блок 1: 112], «Я и молод, и свеж, и влюблён...» [Блок 1: 114], «Вхожу я в тёмные храмы...» [Блок 1: 128] и др.). Причём эстетическая природа этих монологов стариков сложна, так как они реализуются одновременно в нескольких смысловых регистрах. Именно о такой многозначности («многострунности») образности как черте символистского мышления А. Белый говорил в письме к Блоку от 10 июня 1903 года: «...Быть многострунными наша прямая обязанность» [Белый и Блок: 53]. Вторую смысловую грань образов стариков, воплощённых в стихотворениях «Под старость лет, забыв святое...» и «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», Минц вполне доказательно связывает с художественной зашифровкой личности Д.С. Мережковского [Минц: 555]. Таким образом, Блок, подобно актёру или драматургу, вживается в душу другого человека и вводит в стихотворение ролевое начало. Проникновение в чужое сознание (в данном случае Мережковского) становится возможным для Блока в силу того, что в его творческой лаборатории активно действует процесс эмпатии, характерный для художественного мышления актёров, драматургов и режиссёров. Психологи, исследующие механизмы театрального перевоплощения, определяют эмпатию как «воображаемое перенесение себя в мысли, чувства и действия другого и структурирование мира по его образцу» [Басин: 249]. Но при этом в обоих блоковских

стихотворениях индивидуальность стариков соотносится не только с личностью Мережковского. Высокая степень объективированности, конкретности и достоверности переживаний, запечатлённых в монологах этих персонажей, сообщает их характерам большую самостоятельность, выталкивает героев в бытие, независимое и от сознания Блока, и от сознания Мережковского.

Отчётливая психологическая определённость, вполне реалистическая мотивированность чувств и мыслей стариков, выраженных в обоих монологах (особенно во втором стихотворении), достигнутая во многом за счёт использования в лирике театрального кода, – налицо. В результате в стихотворениях «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» и «Под старость лет, забыв святое...», благодаря «театрализации» лирического героя, возникает интерференция автопсихологических и ролевых элементов, а лирическая организация данных произведений приближается к модели intersubjectности [Бройтман: 211–282].

В обозначенную выше парадигму intersubjectности вписывается и монолог старика, созданный в стихотворении «Прошли года, но ты всё та же...» (1906), вошедшем в раздел второго тома «Разные стихотворения». Упомянутое блоковское произведение воспринимается во многом как полемическое опровержение стихотворений «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» и «Под старость лет, забыв святое...», поскольку духовный склад представленного в нём героя во многом противоположен характерам стариков-скептиков, разубедившихся в своей юношеской мечте. Но при этом его поэтика также сохраняет «театральную» природу. Обращаясь к своей любимой спутнице, с которой он шёл по жизни многие годы, старик признаёт, что сохранил к ней самые нежные чувства, что её присутствие рядом продолжает его радовать и восхищать:

Прошли года, но ты – всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я – склонён над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, –
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живём и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года... [Блок 2: 76].

Однако показательно, что в облике любимой женщины, о красоте которой герой говорит с волнением и восторгом, подчёркнуты вполне реальные, земные приметы: «лишь волосы немного глаже», «в них сверкает седина», «спокойный лик». В образе воз-

любленной, нарисованном стариком, нет и намёка на её причастность иным мирам. Да и собственный автопортрет герой рисует в сугубо реалистической манере, акцентируя в своей внешности весьма конкретные черты: «А я – склонён над грудой книжной, / Высокий, сгорбленный старик» [Блок 2: 76]. Получается, что и в этом монологе старика, подобно рассмотренным выше стихотворениям, высокие мистические переживания отнесены в область «воспоминаний», они ушли в прошлое. Неслучайно в качестве эпиграфа Блок выбирает строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Я знал её ещё тогда, / В те баснословные года...» (1861) [Тютчев: 205]. Несомненно, последняя строфа тютчевского произведения не только во многом предвосхищает мистику Вечной Женственности В.С. Соловьёва и младосимволистов в целом, но и предсказывает мотив ускользающей мистической любви, доминирующий в процитированном блоковском стихотворении:

Вся жизнь её тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда [Тютчев: 205].

Согласно философской концепции Блока, представленной в стихотворении «Прошли года, но ты всё та же...», в настоящий момент небесная сущность героини не только не проявлена, но даже утрачена. Она «сожжена» временем и навсегда запечатлелась лишь в воспоминаниях о «баснословных годах», просветляющих и подпитывающих душу старика:

Их светлый пепел – в длинной урне.
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней –
Дышать прошедшим на земле [Блок 2: 76].

Симптоматично, что и сами высокие воспоминания ассоциируются у героя со «светлым пеплом», заключённым в «длинную урну». «Лазурь», являющаяся знаком присутствия Вечной Женственности как в контексте поэтической традиции В.С. Соловьёва («Вся в лазури сегодня явилась...» (1975), «О, как в тебе лазури чистой много...» (1880)), так и в творческом сознании русских символистов в целом, здесь погружена во «мглу». Примечательно, что в последней строфе рассматриваемого стихотворения, по сути, намечаются образные контуры автобиографического мифа Блока [Магомедова], во многом перекликающегося с художественной концепцией А. Белого, развёрнутой в лирической трилогии, составленной из сборников «Золото в лазури», «Пепел» и «Урна». В размышлениях, предложенных Белым «вместо предисловия» к сборнику «Урна», он так характеризует этапы своей духовной эволюции: «В “Урне” я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому “я”. Мёртвое “я” заключаю в “Урну”, и дру-

гое, живое “я” пробуждается во мне к истинному. Ещё “Золото в лазури” далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...» [Белый: 15–16].

Мотив ностальгии по идеалу Вечной Женственности своеобразно репрезентируется также в стихотворении Блока «Двойник» (1909), входящем в цикл «Страшный мир» и в смысловом отношении, несомненно, логически продолжающем и развивающем мотивику стихотворений «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Под старость лет, забыв святое...» и «Прошли года, но ты всё та же...». В этом произведении также представлен монолог старика, пытающегося через воспоминание вырваться из времени и пространства «страшного мира», то есть безотрадного настоящего, в светлый мир прошлого, наполненного и одухотворенного стихией «музыки», преобразующей душу. Тайна мистической «музыки» в контексте первой строфы зашифрована Блоком в символической метонимии «напев»:

Однажды в октябрьском
Я брёл, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот, в непроглядном тумане
Возник позабытый напев [Блок 3: 9].

Как точно указывает Д.Е. Максимов, «герою стихотворения Блока вспоминается молодость, молодая любовь, чистота» [Максимов: 173]. Аналогичные мотивы звучат и в стихотворениях «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Под старость лет, забыв святое...», «Прошли года, но ты всё та же...». Все четыре стихотворения скрепляют лейтмотивы «тумана», «сна», «мечты», тоски по идеалу прекрасной возлюбленной. Возвращение к светлому чувству в стихотворении «Двойник», как и в трёх предыдущих, оказывается возможным только во сне, в состоянии сладких грёз, открывающих светлую потусторонность, которая была доступна лирическому субъекту в молодые годы:

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится,
А ты-то, вернёшься ли ты?) [Блок 3: 10].

Лирическое «я» в этом стихотворении раздроблено и существует в трёх обликах, трёх ипостасях: во-первых, это старик, пытающийся воскресить ушедшую гармонию через воспоминания; во-вторых – его антипод, то есть восторженный юноша, пленённый романтической мечтой; в-третьих – «двойник», оказывающийся посредником между полярными мирами и выступающий как воплощение отчаяния и без-

надёжности. Поэт с помощью меткого оксюморона характеризует психологическую сущность «двойника»: «стареющий юноша» [Блок 3: 10]. Именно он, по Блоку, оказывается носителем духовного гена «старости», которая в данном поэтическом контексте ассоциируется у поэта с разочарованием в высоком идеале, с неверием и цинизмом, а также с утратой радости бытия, дома, покоя и смысла жизни как такового.

В стихотворении «Двойник», как и во всех упомянутых ранее произведениях, категория старости соотносится Блоком не только с возрастом как особым временем жизни человека, но и с состоянием его души. Излёт бытия, духовное «увядание» и упадок чувств лирического героя иносказательно передаются поэтом посредством повтора и акцентирования элементов урбанистического пейзажа, создающих впечатление безотрадной осени: «октябрьский туман»; «непроглядный туман»; «ветер, дождь, темнота»; «ночь туманная»; «промоглый туман» [Блок 3: 9–10]. Подавленное настроение старика вполне сопоставляется с тоской и унынием, навеянным сырой петербургской погодой. Однако, в отличие от других стихотворений стихийно сложившегося в творчестве Блока ансамблевого единства (своеобразного поэтического микроцикла), объединённого образом старика, «театрализация» поэтики в «Двойнике» выливается лишь в создание «лирической маски» автора. «Многострунность» этого блоковского произведения определяется тоекратным перевоплощением лирического «я», но всё-таки она откровенно автопсихологична. Лирическая структура «Двойника» не содержит ролевого начала.

Таким образом, в поэтической системе Блока 1900-х гг. образ старика выполняет функцию интегратора, объединяя в рамках микроцикла несколько стихотворений. Он реализует свою семантику параллельно сразу в нескольких смысловых сферах. Во всех рассмотренных блоковских произведениях символ старика возникает как следствие «театрализации» лирического «я», персонифицирующей и зашифровывающей разные стороны авторского сознания. Соответственно, в текстовом пространстве всего ансамблевого единства образ старика оказывается «лирической маской» автора, его трагическим двойником, во многом выражающим личные переживания Блока и транслирующим идеи как «измены» мистическому идеалу Вечной Женственности, так и ностальгии по нему. При этом «театральность» поэтики наиболее ярко и отчётливо проявляется в стихотворении «Когда я стал дряхлеть и стынуть...». В этом лирическом монологе, словно рассчитанном на устное произнесение и сценическое воплощение, Блок активно углубляет психологизм в исповеди старика, используя приёмы, «театральные» по своей эстети-

ческой природе. Множество восклицательных предложений, категоричных риторических вопросов, обилие многоточий передают интонацию гнева и ярости персонажа, говорят о его мощном темпераменте.

Вместе с тем стихотворения «Под старость лет, забыв святое...», «Когда я стал дряхлеть и стынуть...», «Прошли года, но ты всё та же...» образуют интересную субъективную парадигму, поскольку их лирическая призма складывается из автопсихологического и ролевого компонентов. В этих стихотворениях образ старика обладает высокой степенью художественной обобщённости: он соотносится не только с личностью Блока и Мережковского, но и позволяет воспринимать персонажа как совершенно самостоятельно героя, обладающего неповторимым характером.

В стихотворении Блока «Двойник», во многом определяющем смысловую тональность третьего тома его лирики, образ старика сплавлен с другими воплощениями лирического «я» поэта, оказывающимися его двойниками. Он противопоставлен молодому влюблённому, преданному высокой мечте и возрождающемуся в его же собственном светлом сне, но в то же время связан со «стареющим юношей», предтечей своей духовной энтропии. В данном случае внедрение «театрального» кода в художественную структуру стихотворения подчиняется исключительно механизму создания «лирической маски». Объективация переживаний в рамках этого произведения не приводит к появлению ролевого субъекта.

Список литературы

- Басин Е.Я.* К вопросу о взаимоотношениях искусствознания и психологии художественного творчества // Актуальные вопросы методологии искусствознания. Москва: Наука, 1983. С. 237–264.
- Белый А.* Урна: Стихотворения. Москва: Гриф, 1909. 143 с.
- Белый А. и Блок А. Переписка. 1903–1919. Москва: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
- Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–8. Москва: Наука, 1997–2010.
- Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 307 с.
- Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Москва: Худож. лит., 651 с.
- Комментарии / Быстров В.Н., Гречишкин С.С., Грякалова Н.Ю. и др. // Блок А.А. Полное собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1. Москва: Наука, 1997. С. 385–641.
- Коптелова Н.Г.* «Театрализация» лирического героя в поэзии А. Блока: генезис и способы художественного воплощения // Вестник Костромского государственного университета. 2019а. № 3. С. 107–112.
- Коптелова Н.Г.* Стихотворение А. Блока «Шаги Командора»: театральность поэтики // Верхневолжский филологический вестник. 2019б. № 2. С. 35–41.
- Коптелова Н.Г.* «Сценичность» лирики А. Блока 1900–1910 годов как особая форма «театральности» // Филологический класс. 2020. № 3. С. 48–58.
- Магомедова Д.М.* Биография и поэтика // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. Москва: Мартин, 1997. С. 5–59.
- Максимов Д.Е.* Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 152–182.
- Мицк 3.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // Александр Блок и русские писатели. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2000. С. 537–620.
- Седых Э.В.* К проблеме интермедиальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3, ч. 2. С. 210–214.
- Тимашков А.Ю.* Интермедиальность как свойство текста и как авторская стратегия // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 5. С. 366–368.
- Титаренко С.Д.* Интертекстуальность и интермедиальность: проблемы репрезентации в поэтике русских символистов // Интертекстуальный анализ: принципы и границы / под ред. А.А. Карпова, А.Д. Степанова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 117–130.
- Титаренко С.Д.* Проблемы взаимодействия интертекстуальности в мифопоэтике русского символизма (от цитаты в тексте – к медиамифу) // Культура и текст. 2017. № 3. С. 54–73.
- Тишунина Н.В.* Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедиального анализа: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 159 с.
- Тишунина Н.В.* Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Сер.: Symposium. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 12. С. 149–154.
- Тишунина Н.В.* Проблема взаимодействия искусств в литературе западноевропейского символизма // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы II науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.Ф. Лосева. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. С. 100–101.
- Тюпа В.И.* Художественный дискурс (введение в теорию литературы). Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 80 с.
- Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста А.А. Николаева, ред. В.С. Кисе-

лёв, вступ. ст. Н.Я. Берковского. Ленинград: Советский писатель, 1987. 446 с.

Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. Москва: Высшая школа, 2002. 437 с.

Ханзен-Леве О.А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. Москва: Рос. гос. гуманитарный университет, 2016. 503 с.

References

Basin E.Ja. *K voprosu o vzaimootnoshenijah iskusstvoznaniya i psichologii hudozhestvennogo tvorcestva* [To the question of the relationship between art history and the psychology of artistic creativity]. *Aktual'nye voprosy metodologii iskusstvoznaniya* [Actual questions of the methodology of art history]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 237–264. (In Russ.)

Belyj A. *Urna: Stihotvorenija* [Urn: Poems]. Moscow, Grif Publ., 1909, 143 p. (In Russ.)

Belyj A. *i Blok A. Perepiska. 1903–1919* [Correspondence. 1903–1919]. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 1–8*. [Complete works and letters: in 20 vols. Vols. 1–8]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2014. (In Russ.)

Brojtman S.N. *Russkaja lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoj pojetiki. Sub'ektno-obraznaja struktura* [Russian lyrics of the XIXth – early XXth centuries in the light of historical poetics. Subject-shaped structure]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 1997, 307 p. (In Russ.)

Brjusov V.Ja. *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., vol. 6, 651 p. (In Russ.)

Kommentarii [Comments], Bystrov V.N., Grechishkin S.S., Grjakalova N.Ju. et al. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1, Poems, iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., pp. 385–641. (In Russ.)

Koptelova N.G. «Teatralizacija» liricheskogo gerolja v poezii A. Bloka: genezis i sposoby hudozhestvennogo voploshhenija [“Theatricalization” of the lyrical hero in the poetry of A. Blok: the genesis and methods of artistic embodiment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchno-metodicheskij zhurnal* [Vestnik of Kostroma State University], 2019a, № 3, pp. 107–112. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Stihotvorenije A. Bloka «Shagi Komandora»: teatral'nost' pojetiki* [A. Blok's poem “Commander's Steps”: theatricality of poetics]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal* [Verhnevolzhski philological bulletin], 2019b, № 2, pp. 35–41. (In Russ.)

Koptelova N.G. «Scenichnost'» liriki A. Bloka 1900–1910 godov kak osobaja forma «teatral'nosti» [“Theatricalization” of the lyrical hero in the poetry of A. Blok: the genesis and methods of artistic embodiment]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2020, № 3, pp. 48–58. (In Russ.)

Magomedova D.M. *Biografija i pojetika* [Biography and poetics]. Magomedova D.M. *Avtobiograficheskij mif v tvorcestve Aleksandra Bloka* [Autobiographical myth in the work of Alexander Blok]. Moscow, Martin Publ., 1997, pp. 5–59. (In Russ.)

Maksimov D.E. *Ob odnom stihotvorenii («Dvojniki»)* [About one poem (“Double”)]. Maksimov D.E. *Pojezija i proza Al. Bloka* [Poetry and prose by Al. Blok]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1981, pp. 152–182. (In Russ.)

Minc Z.G. *Blok v polemike s Merezhkovskimi* [Blok in polemic with the Merezhkovskys]. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. Saint-Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2000, pp. 537–620. (In Russ.)

Sedyh Je.V. *K probleme intermedial'nosti* [On the problem of intermediality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9, Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 9, Philology. Oriental studies. Journalism], 2008, iss. 3 (part 2), pp. 210–214. (In Russ.)

Timashkov A.Ju. *Intermedial'nost' kak svojstvo teksta i kak avtorskaja strategija* [Intermediality as a property of the text and as an author's strategy]. *Vestnik Orlovskogo gos. universiteta. Ser. Novye gumanitarnye issledovanija* [Bulletin of the Oryol State University. Ser. New Humanitarian Research], 2011, № 5, pp. 366–368. (In Russ.)

Titarenko S.D. *Intertekstual'nost' i intermedial'nost': problemy reprezentacii v pojetike russkikh simvolistov* [Intertextuality and Intermediality: Problems of Representation in the Poetics of Russian Symbolists]. *Intertekstual'nyj analiz: principy i granicy* [Intertextual Analysis: Principles and Limits], ed. by A.A. Karpova, A.D. Stepanova. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2018, pp. 117–130. (In Russ.)

Titarenko S.D. *Problemy vzaimodejstvija intertekstual'nosti v mifopojetike russkogo simvolizma (ot citaty v tekste – k mediamifu)* [Problems of Intertextuality Interaction in the Mythopoetics of Russian Symbolism (From Quotation in the Text to Media Myth)]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], 2017, № 3, pp. 54–73. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Zapadnoevropejskij simvolizm i problema sinteza iskusstv: opyt intermedial'nogo analiza: monografija* [Western European symbolism and the problem of the synthesis of arts: an experience of intermedial analysis: a monograph]. Saint-Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 1998, 159 p. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Metodologija intermedial'nogo analiza v svete mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Methodology of Intermedial Analysis in the Light of Interdisciplinary Research]. *Metodologija gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka: K 80-letiju professora Moiseja Samojlovicha Kagana: materialy mezhdunar. nauch. konf. 18 maja 2001 g. Ser.: Symposium* [Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century. On the 80th Anniversary of Professor Moisei Samoylovich Kagan: Proceedings of the International Scientific Conference. May 18, 2001. Ser. Symposium]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo Publ., 2001, iss. 12, pp. 149–154. (In Russ.)

Tishunina N.V. *Problema vzaimodejstviya iskusstv v literature zapadnoevropejskogo simvolizma* [The problem of the interaction of arts in the literature of Western European symbolism]. *Sintez v russkoj i mirovoj hudozhestvennoj kul'ture: materialy II nauch.-prakt. konf. posvjash. pamjati A.F. Loseva* [Synthesis in Russian and world artistic culture: materials II scientific and practical. conference dedicated to the memory of A.F. Losev]. Moscow, Mosk. ped. gos. un-t Publ., 2002, pp. 100–101. (In Russ.)

Тюпа В.И. *Hudozhestvennyj diskurs (vvedenie v teoriju literatury)* [Artistic discourse (introduction to the theory of literature)]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet Publ., 2002, 80 p. (In Russ.)

Тютчев Ф.И. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems], comp., prep. of the text by A.A. Nikolaeva, ed. by V.S. Kiselev, introductory article by N.Ya. Berkovsky. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1987, 446 p. (In Russ.)

Halizev V.E. *Teorija literatury: uchebnik* [Theory of literature: textbook]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2002, 437 p. (In Russ.)

Hanzen-Leve O.A. *Intermedial'nost' v russkoj kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde]. Moscow, Ros. gos. gumanitarnyj universitet Publ., 2016, 503 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 09.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.